Женщины Императорского гарема уже ожидали, что Император посетит дворец Сихэ. Им это показалось настолько отвратительным, что они заскрипели зубами. И всё же никто из них не осмеливался обвинять Чунъи Чжао в этот момент. Хотя все они держали ненависть в своих сердцах, они всё ещё говорили и действовали нормально, находясь в ей обществе.

После занятий любовью Чжуан Лоянь прислонился к груди Императора. Сегодня вечером Император был очень нежен. Как будто он боялся причинить боль её телу. Это создало у девушки впечатление, что в конце концов он был не так уж плох, как зверь.

Может быть, это было потому, что она слишком много спала днём, но Чжуан Лоянь не чувствовал сонливости. Она просто прислонилась к Императору, как будто не хотела расставаться с ним. Девушка закрыла глаза, прислушиваясь к звукам ночи.

– Возлюбленная наложница не может уснуть? – сказал вдруг Император в тишине ночи. Чжуан Лоянь не ожидала, что он проснётся.

– Ваше Величество проснулись, потому что эта Пиньце потревожила Ваше Благородное "Я"? – затем она убрала голову с его груди.

Мужчина протянул руку и крепко обнял её, погладил гладкие и шелковистые волосы девушки. Низким и хриплым голосом Фэн Цзинь сказал:

– Как этот Чжэнь может уснуть с красавицей в своих руках? – он украдкой поцеловал её в щёку. Хотя её лицо не было самым красивым в гареме, оно пахло свежестью и отсутствием косметики. Фэн Цзинь не смог удержаться и поцеловал её ещё несколько раз.

Чжуан Лоянь улыбнулась в темноте. Этот постельный разговор Императора был не так уж плох. Она положила руку ему на грудь. На её губах заиграла улыбка.

– Ваше Величество всегда так хвалит эту Пиньце. Эта Пиньце боится, что однажды, эта Пиньце утратит свою первоначальную внешность, – как только эти слова слетели с её губ, со стороны могло показаться, что девушка заметила что-то неуместное в своих словах. Чжуан Лоянь сделала паузу и сменила тему разговора. – Сегодня садовник во дворце сказал, что сезон цветения водяных лилий, подаренных Вашим Величеством, закончился.

Когда-нибудь цветы завянут. Как же красавицы могут не состариться в один прекрасный день?

Фэн Цзинь легонько погладил её по спине.

– Это всего лишь водяные лилии. Этот Чжэнь попросит людей послать любой цветок, который понравится возлюбленной наложнице. Хотя цветы неизбежно завянут в один прекрасный день, этот Чжэнь не знал, что возлюбленная наложница является одной из тех, кто жалеет их.

– Итак, в глазах Вашего Величества эта Пиньце – человек, который умеет только есть и пить, обычный человек, неспособный понимать высокопарную речь, – в голосе Чжуан Лоянь слышалось недовольство. Однако в следующий момент она вздохнула. Потому что девушка понимала, что она за человек на самом деле.

Фэн Цзинь рассмеялся:

– Этот Чжэнь уже говорил об этом раньше. В этом императорском гареме никогда не было недостатка в женщинах, которые искусны в четырёх искусствах (1) и талантливы в разговоре в высоком стиле. Возлюбленной наложнице не нужно сравнивать себя с другими. Ты отличаешься от них.

Словам мужчины после занятий любовью нельзя было доверять. Чжуан Лоянь и сама это знала. Но она также знала, что если бы она любила мужчину, то, услышав такие слова, поступила бы следующим образом.

Иногда эмоции человека не могут быть правильно выражены словами. Но язык тела – это совсем другая история.

Фэн Цзинь почувствовал, как её рука на его груди слегка задрожала. Как будто девушка не могла произнести ни слова. Он начал задаваться вопросом, как часто он использовал такие слова похвалы в гареме, и как эти женщины реагировали.

– По мнению этой Пиньце, Ваше Величество – самый особенный.

Её голос был несколько хриплым и дрожащим. Однако это было не потому, что Чжуан Лоянь ощущала боль в горле. Фэн Цзинь знал, что женщина в его объятиях была эмоционально тронута.

– Спи, – он снова легонько похлопал её по спине. Он использовал фразу "разные" и получил взамен фразу "особые". Так что он действительно извлёк выгоду из этого обмена.

Хотя Фэн Цзинь и думал об этом, поглаживание по её спине стало ещё мягче.

Ранним утром, прямо перед восходом солнца, Фэн Цзинь уже проснулся. Белые пальцы помогли ему застегнуть одежду и лично закрепили нефритовый медальон и мешочек. Это был первый раз, когда эта красавица поправила его одежду и аксессуары. На её губах заиграла улыбка. Усталость девушки была очевидна по глазам. Тем не менее радость заполнила её пристальный взгляд, огонь вспыхнул внезапно, как будто она нашла свою цель.

– Его Величество уезжает!

Девушка в блузке и жуцюнь медленно поклонилась, её юбка при этом покачивалась. Но он

протянул руку, чтобы остановить Чжуан Лоянь. С его губ сорвался тихий смешок.

– Возлюбленная наложница очень много работала прошлой ночью, и ей лучше вернуться ко сну, – Фэн Цзинь заметил её прекрасную улыбку, развернулся и ушёл.

Все Императоры не оглядывались назад, потому что в их глазах всегда были другие люди, которые смотрели, как они уходят. Им никогда не было дела до того, какие взгляды были у этих людей. Потому что Императоры не должны были видеть их, и они также знали, что их взгляды могут выражать только почтение, страх и опасение.

В тот момент, когда Фэн Цзинь достиг входной двери, по какой-то причине, он оглянулся назад, не осознавая этого. Этот взгляд назад заставил его увидеть эмоции, которые не могли быть достаточно быстро скрыты в глазах женщины. Казалось, Император уже видел эти эмоции в её глазах раньше. Но тогда она скрывала их слишком быстро, и мужчина был к ним равнодушен.

Похоже, Чунъи Чжао не ожидала, что Император обернётся, и слегка запаниковал. Затем она опустила голову, присела в реверансе и спросила:

– Ваше Величество что-то здесь забыли?

– Нет, – тон Фэн Цзиня был обычным, когда он сказал: – Хорошо отдохни. Этот Чжэнь уже уезжает.

Императорский паланкин покинул дворец Сихэ, направляясь к тронному залу. Поскольку небо ещё не совсем прояснилось, звёзды всё ещё были видны. Гао Дэчжун следовал за ним, наклонив голову, с боку имперского паланкина. Всё это время было тихо. Как только они вышли из внутреннего дворца, он вдруг услышал, как Император сказал:

– Гао Дэчжун, позже пусть кто-нибудь пришлёт во дворец Сихэ лампу с восемью сокровищами в виде водяных лилий из цветного стекла.

– Да, Ваше Величество, – Гао Дэчжун был поражён. Там было всего несколько ламп из цветного стекла с восемью драгоценностями, и одна из них с водяной лилией была самой изысканной. И всё же Его Величество действительно хотел отдать эту лампу госпоже дворца Сихэ? Если он правильно помнил, то единственными людьми, получившими такие лампы раньше, были Императрица и Гуй Фэй Шу. Даже Гуй Пинь Янь, которая была очень любима в последние несколько лет, не получила ни одной из них.

Когда он вспомнил то время, когда Чунъи Чжао не была в фаворе, Гао Дэчжун не мог не чувствовать себя глубоко тронутым. Этот имперский гарем был глубоким и неустойчивым. Не дойдя до конца, никто не знал бы, кто будет победителем.